

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Я интересное наблюдение сделал. В творчестве меня часто называют злым. Но многое, за что меня называют злым, написано мной с самого себя. Когда я чувствую в себе нового русского, то не могу не излить это на бумаге. Потому что я сам себе смешон.

— Что вас объединяет с новым русским?

— Вот мобильный телефон перед вами лежит. Ручка дорогая. Мы сидим в гостинице "Славянская", я сейчас обедаю салатом по рецепту японской кухни. Майка надета — это первый признак того, что я даже не новый русский, а новый-новый русский. Новые русские носят галстуки, а новые-новые ходят так, расхристанными.

— А в казино играете?

— Нет, это мне неинтересно. Я ж деньги зарабатываю. Три часа стою на сцене, и пока зал не соргазмирует, я не уйду. Часто захожу совершенно измочаленный после концерта, иногда даже в весе теряю. Мои отношения с залом — как с женщиной когда-то. Надо поговорить с ней, пригласить на соощение, а потом довести до удовольствия полного. Тогда можно и расстаться. И то не сразу. Так что в казино мне жалко потерянному времени. Другое дело — я люблю преферанс. Вот в него западные тупые люди играть не могут. У них просто не хватит извилин.

— Что ж вы их совсем тупыми-то считаете?

— Они в массе своей действительно тупые. Я считаю, что Америка — это тупиковая ветвь человечества. Вы не представляете себе уровень развития американцев! Хотя я люблю заехать иногда в западную страну, потому что тупые люди всегда очень чистенько живут, у них быт хороший. Чем тупее народ, тем лучше он живет с точки зрения быта. Потому мы и не можем хорошо жить начать: у русских людей очень мощная энергия, но она без вектора. Она брызжет из всех пор организма, а равнодействующая равна нулю.

— Если вам так не нравится Запад, зачем вы так часто там бываете?

— Почему вы думаете, что часто? Я в Юрмале часто бываю.

— Я сужу по нашим выступлениям со сцены.

— У меня мозг очень быстро потребляет впечатления, а бываю я там мало. Но я люблю, допустим, бывать в Англии. Там еще не уничтожен театр, и еще можно посмотреть "Три сестры", где три сестры не будут лесбиянками. А дядя Ваня не будет голубым. Я люблю Париж. Парижане единственные не вышли встречать Моника Левински, когда она приехала в Париж. Ну омерзительное зрелище — этот тушканчик, эта извращенка, которую американцы сделали писательницей. О чем она может писать?! Им с Коржаковым надо организовать отделение Союза писателей при президентах. Хотя Коржаков — то смывленный человек. Только он меньше должен откровенничать, потому что по его откровениям видно, чем он сам занимался. Второй план все время просвечивает, а он этого не замечает.

— Так откуда все-таки берется фактура для рассказов? Вы действительно как-то выпили воду из миски, в которой надо было руки мыть? Ну, там еще абрикосы плавали...

— Мне ее принесли, и я долго не знал, что с ней делать. Это был 87-й год. Но все-таки я не дошел до того, чтобы ее выпить. Просто полчасика сидел и ждал, когда еще кому-нибудь принесут. Вспомнил, как Гагарин на приеме у королевы смотрел, что делает королева, и повторял. Так и я. Ну а потом, когда стал об этом рассказывать, уже фантазия сработала. Так же — и история с венниками, которые я вез за границу. Только это был не я, а мой друг Юра Радзиевский. А соленые огурцы в "Макдоналдсе" я сам пытался купить — это достоверный случай.

— Вас многие считают антисемитом...

— Да. Знаете почему? Потому что я талантливый, а не еврей.

— Когда-то вы Ельцина поддерживали. Сейчас в политических баталиях принимаете участие?

— Я никогда своего зрителя не обманывал. Никогда не участвовал в "Голосуй, или проиграешь". И сейчас я ни за кого не агитирую. Мне тут позвонили из одной партии и предложили поехать с агитконцертом. Я сказал: "Нет, я не делаю этого". А они: "А что, вам уже лужковская сторона предложила больше?" Я говорю: "Вы интересные люди! Вы сами-то понимаете всю степень цинизма вашего? И хамства одновременно".

— В какой момент ваши дружеские чувства к президенту иссякли?

— Был период, когда меня начали звать, чтоб я был тамойдой на кремлевских праздниках. Но это исключается. Я даже в узком кругу тамойды никогда не был и не умею этого делать. А еще я руководил Фондом помощи русскоязычным людям. И когда увидел, что Борис Николаевич считает народ электротором, то понял, что нам не по пути. Это было где-то в 93-м году. Я начал предоступать катастрофу. Правда, не мог предугадать, что будет Чечня.

— То есть конфликтов не было?

— Абсолютно. Ельцин, по-моему, и не помнит, что я такой. Коржаков же всегда относился ко мне немножко настороженно. Потому что я не могу быть в связке ни с кем из них. Как бы я сформулировал историю с Доренко: чтобы опустить партию Лужкова — выражаясь кремлевско-зюковским языком, — надо было создать другую партию. Стоит это миллионы пятьсот долларов. Замечательный политик Березовский с кассовым аппаратом вместо сердца и с компьютером вместо мозга решил: зачем такие деньги? Надо купить одного талантливого журналиста. Но купить так, чтоб он потерял совесть. Совесть талантливого журналиста стоит гораздо дешевле, чем партия. Я не знаю гонимых, но заплачу так, что Доренко поверил в свое высокое предназначение на планете. Он даже не понимает, что он маленькая гачка и что его выкинут. Он так жжился! Так когда-то гениальные артисты играли Гамлета: в роль входили, а выйти никак не могли. Мне порой кажется, что он будет умирать с именем Лужкова на устах лет через семьдесят.

Я считаю Березовского самым лучшим политиком в мире — так и напишите, пожалуйста. Потому что только гений мог так отомстить журналистам, что они сами до сих пор об этом не знают. Гений разборок, компромата и мщения. Помните, он созвал всех на пресс-конференцию, когда болел гепатитом, и всем пожал руки!..

— Что вы будете делать в день выборов?

— В день выборов я выступаю в Германии, на следующий день лечу в Вену — в Венскую оперу, слушаю Верди. Вот так я смешон сам себе: с телефоном, в бизнес-классе, в майке! Сам над собой буду ухахатываться. Потому что меня будут принимать за нового русского. А голосовать я не буду.

— Почему?

— Не хочу. За кого голосовать?.. Голосуй, не голосуй — все равно будешь глубоко раскаиваться в своем выборе. Мне раскаиваться надоело. Кто-то из великих написал фразу, которая мне запомнилась на всю жизнь: "Циник — это уставший романтик". Я был романтиком. Настоящим. Совершенно, казалось бы, непобедимым. Но оказалось, что я был романтиком победимым.

— Вы хотите сказать, что вы устали?

— Я не устал совершенно. Наоборот, я полон сил, потому что я многое переоценил и многое стал понимать в результате. Того, что я ценю, ста-

С сатириками разговаривать сложно. Особенно если вы видите впервые, и его манера шутить еще не стала для тебя внятно выраженной. Ведь все сатирики говорят — будто ядра метают. Скажут фразу, в глаза глянут — и ждут реакции. Некоторые метают свои ядра медленно, некоторые быстро, но в любом случае им нужен твой смех. Или улыбка.

И желательнее в подходящем месте. Иначе они быстро теряют интерес к разговору. Но вот беда: не всегда смеяться хочется. Даже если и понимаешь прекрасно — пора. Михаилу ЗАДОРНОВУ тоже не чужда эта профессиональная особенность — постоянно, вслух или про себя оценивать чувство юмора собеседника. Я заранее решила: не буду смеяться из вежливости. А только там, где действительно смешно. Мне же тоже интересно посмотреть на его реакцию. И теперь я не знаю — в нужных ли местах я заливалась смехом.

ло меньше, но того, как я это ценю, — этого гораздо больше. Когда-то в 93-м году, когда я дружил с правительством, с некоторым окружением Ельцина и был в неплохих отношениях с президентом, мне предлагали один пост чиновничий. Я тогда сказал: "Ребят, у меня постоянная работа. А вы мне хотите предложить временную?". И я оказался прав.

— А как вы попали-то в этот круг?

— Самый элементарный путь. Я первый, наверное, пародировал Горбачева...

— Вы уже второй человек, который мне это говорит.

— Я знаю. Ну, хорошо. Я могу уступить и сказать: одним из первых. А вообще-то все просто боялись. И никто этого не делал. Так вот, Ельцину, видимо, очень нравилось, что я высмеиваю партию со всей страстью российского мужика. А не рафинированного московского интеллигента, который высчитывает, что может иметь успех. Б.Н. пришел ко мне на концерт один раз, второй. Потом мы иногда виделись — но редко. А с 93-го года я с ним ни разу не встречался.

— Как это "не встречались" — дом-то у вас общий?

— Такие же записки мне присылают из зала. Такое ощущение, что мы с ним яичницу на одной конфорке жарим! Я даже недавно расспрашивал комеданта, кто живет в этом доме. Я уже не всех знаю. По-моему, там теперь живут одни дети бывших чиновников. То есть я по своему статусу приравнен к детям.

— Да, говорят, что дом совсем опустел, все уехали, остался один Задорнов...

— Было бы неплохо, конечно. На самом деле это не так. Там еще живет профессор Емельянов. Семья Гайдара, по-моему, живет. Машину Шахрая вижу. Не знаю, приезжает ли туда Юмашев, Лужков и Ресин, я за этим не слежу. И стараюсь из окна не выглядывать. Еще раз скажу: мы ведь за солью друг к другу не ходим. А получилось все очень просто. Я в начале 90-х говорил, что не могу жить в своей квартире — там писать очень тяжело, тишины нет. Мне пошла навстречу и дали возможность перебраться. Это была идея Ельцина — меня в этот дом поселить.

— А вам не приходило в голову отказаться от этого предложения? Соседство уж слишком обязывающее. Много других довольно комфортных домов в Москве...

— Тогда — приходило. Но так заманчиво было, что все-таки переехал. И сейчас — тоже приходила идея уехать. Но что такое хорошие дома? В хорошие дома въезжают новые русские, отстраиваются и будут строиться еще десять лет. Вы представляете, что такое сейчас въехать в новый дом?

— К сожалению, нет.

— У каждого ремонт, все сносят стенки, кругом отбойные молотки... Это жизнь на стройке. Это уже не спокойствие. Поэтому уж я доживу, пока меня не выгонят. Ведь главное — и приватизировать этот дом нельзя. Хотя думаю, что "семья"-то приватизировала свои квартиры, это нам не дают. У меня дверь нестандартного размера. И чтоб поднять ее на 10 сантиметров, я должен спрашивать разрешения кремлевской администрации, запрашивать полковников и генералов.

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

ВЫСТУПАЮЩЕЕ

Михаил ЗАДОРНОВ:
"Не я один был лохом!"

дел, он сказал: "Я вообще не понимаю, на чем ты едешь! Давай мы тебе купим машину, а ты за это пролобобируешь наши интересы". Никогда!

— Неужели рядом нет людей, которые не говорят: "А ты нам за это..."?

— У меня таких людей много в России. В Москве — мало. Для меня Москва стала чужим городом. Он красивый, роскошный, но купеческий. А когда мы учились, это был город театров. Мы с Ленией Филатовым шастали по ДК, где шли фильмы итальянского неореализма. Вот поэтому я где родился, там и живу — в Юрмале. У меня даже недвижимости нет. Поймите, я не жалуюсь — я хвастаюсь.

Я там взял в аренду дом. Когда пришел один из латвийских бизнесменов, он спросил: "А где ты будешь настоящий дом строить, правильный?" Я говорю: "Вообще для меня самый правильный этот — сосны, море, воздух". Он удивился: "Неужели в Москве теперь в моде скромность?" А Москва-то стала совершенно меркантильной. Мой знакомый подошел к девушке на улице и, будучи одарен поэтически, спросил ее: "Девушка, вы склонны к компромиссу?" На что она отвечает: "Без денег — ни за что!"

— А вы знакомитесь с девушками на улице?

— Сейчас — нет, а раньше бывало, конечно. Потому что всегда есть ощущение, что пройдешь мимо. Если говорить о девушках — это для "МК" эксклюзивно! Мужики обычно хвастаются красавицами. Я встречался с таким количеством некрасавиц, которым похвастаться не может больше никто. И я считаю, что это признак большой мужской энергии. Потому что с красивой каждый может провести время. А вот с такими, с которыми мне доводилось встречаться, — далеко не каждый. Я где-то уже говорил, что меня волнуют женщины, которых волнует мужской орган из двух букв. Вот вы засмеялись сразу, а тот, кому я это говорил, долго смотрел и спросил: какой? Пришлось объяснить — ум. А знаете почему? Потому что он мужиной был. И он не знал, что у него есть такой орган.

— Вы за словом в карман не лезете, ведь так? Вам когда-нибудь девушка отвечала так, что вы теряли дар речи?

— Жуткое дело! Столько гадостей, сколько мне, вряд ли кому-то говорили. Но я все-таки человек женатый, мне как бы неудобно все это рассказывать в газете. Я не Кончаловский и не достиг уровня его раскрепощения. И не дай бог достигну. Могу только сказать, что те маршруты, по которым меня посылали, написаны на заборе.

— Вы Филатова упомянули. Вы до сих пор дружите?

— Мы друзья юности. И дружим, и работаем вместе. Он написал пьесу "Ходжа Насреддин", и я — один из сопродюсеров этого проекта. Коля Фоменко в главной роли. Сначала я сам собирался, но я все-таки уже староват для Ходжи Насреддина. И потом, я все же не артист.

— А кто же вы?

— Я публицист-выступалец.

— Мне чисто по-женски интересно: вот вы сказали — нет недвижимости...

— Смешно! "Мне по-женски интересно — нет недвижимости" — так и напишите в газете! Я вот физик. И я соизобретатель форсунок одной. Она в музее МАИ стоит, и написано: "М.Задорнов". Но она не может быть сделана в настоящий момент из-за низких технологий. Эта форсунка — вся моя недвижимость.

— Я вот к чему: у вас есть дети?

— Есть дочь.

— Но детей-то надо обеспечивать...

— Я не закодирован, я не подчиняюсь формулам жизни. У меня свои формулы. Детям давать недвижимость не надо. Детям надо давать образование и интерес. Только это их предохранит от наркотиков. Если мой отец читал мне "Фрегат "Паллада" и мне нравилось с ним путешествовать в этом романе, то у меня развивались интересы. Уже в 18 лет я поехал рабочим ботанической экспедиции на Курильские острова. И меня уже не тянуло к наркотикам. Я пробовал наркотики пару раз в Израиле. Мне любопытно было, но меня к ним не тянет. Если я дам своим детям дом — они там и прокурят его, и пропыют. Поэтому моя задача — дрягая: правильные книжки читать с детьми, а не правильный дом выстроить.

— Где вы даете образование дочери? За границей?

— Она еще маленькая. Но я считаю, что давать детям образование за границей не надо. Все русские дети, которые учатся в Америке, — гении. Там уже генетическое отупление началось. Учиться они должны у наших учителей. В России хороших людей гораздо больше, правда, плохие лучше объединены. Смотришь на партии, парламенты — это все люди никчемные, серые. Хороший художник, который вдохновенно рисует, никогда не пойдет в парламент. И хирург, который делает операции. А люди неудавшиеся, у которых не сложилось ни то, ни другое, ни третье, идут в политику. Это кратчайший путь к воровству бабкок.

— Вас послушать — и здесь плохо, и там плохо. Где ж хорошо-то? Только не говорите, что там, где нас нет.

— Везде есть свои плюсы и минусы. Да, я не верю и никогда не поверю в какие-то благородные идеи наших сегодняшних политиков. Только одно — украсть. Я мог быть за демократию, только пока я в ней не жил. Теперь я вижу: демократия — строй не идеальный, она всегда побеждает культуру. Поэтому я против демократии, особенно в России. По-моему, у нас больше плюсов, чем в западных странах. Много душевных, культурных людей. Есть хирурги, врачи, летчики, есть музейные работники — столько приличных людей! Я не верю в то, что у нас нет потенциала. К примеру, 200-летие Пушкина. Как бы московская мэрия ни ждала приезда самого юбиляра — а в тот момент создавалось именно такое ощущение, — все равно это было очень трогательно. Только в России могли так поклониться поэту. В России еще есть чувство достоинства и порядочность. Генетика не разрушена — ее ни Сталин не смог разрушить, ни революция. А значит, все появится.

Михаил Задорнов побил все рекорды, и вот почему. Говорили мы долго. Гораздо больше наговорили, чем поместилось в интервью. И что полет американцев на Луну отснят в Голливуде. И про то, что Задорнов с ОРТ сотрудничать отказался. И про памятник его отцу под Хабаровском. Михалкова с Хазановым обсудили. Политиком косточку перемяли. Даже про перепрогорающую лампочку речь зашла.

Но рекорд, ясное дело, не в этом. А в том, что все это время рядом со мной сидел фотограф Миша. Он ведь у нас какие, фотокамеры-то, — отщелкает свою пленку и дальше бегут. Некогда ни разговоры слушать, да и незачем. Миша так и собирался сделать. Но — завис. Заслушался. Сидит, смеется вместе со мной, забыв, что он опаздывает. С таким феноменальным явлением я сталкиваюсь впервые.

"Столько я наговорил о себе! — удивляется Задорнов. — Растрепался, вышел из правильной формы циника и уставшего романтика. Забыл, что я уставший!"

Катя ПРЯНИК.